

ГЛАВНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
СЕНСАЦИИ

АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

**МАННЕРГЕЙМ
и БЛОКАДА**

**ЗАПРЕТНАЯ ПРАВДА
О ФИНСКОМ МАРШАЛЕ**

«ЯУЗА-ПРЕСС»

Якорь

МОСКВА

2017

УДК 929(480) Маннергейм
ББК 63.3(4Фин)-8 Маннергейм
К49

Клингге, Александр.

К49 Маннергейм и Блокада : запретная правда о финском маршале / Александр Клингге. — Москва : Яуза-пресс, 2017. — 224 с. — (Главные исторические сенсации).

ISBN 978-5-9955-0940-0

В 2016 году в Санкт-Петербурге была установлена мемориальная доска маршалу Маннергейму. Эта акция вызвала бурю возмущения не только среди петербуржцев, но и по всей России. Действительно, заслуживает ли финский военачальник почестей от победившей его страны? И почему одни упорно пытались установить эту доску, а другие столь же упорно заливали ее краской? Эта книга отвечает на самые сложные и спорные вопросы биографии Маннергейма.

Был ли он патриотом России? Насколько велики заслуги маршала перед нашей страной и правда ли, что их признавал сам Сталин? Возможно ли разделить его жизнь на два периода — генерал-лейтенанта Русской армии и верного союзника фюрера, — как это делают его апологеты? Какую роль сыграл Маннергейм в трагических событиях Великой Отечественной войны и главное — Блокады? Правда ли, что именно любовь маршала к городу на Неве остановила финнов на подступах к Ленинграду? Какой была основная цель финской армии во Второй мировой войне? Почему финны не бомбили Ленинград и не обстреливали из тяжелых орудий? Наконец, несет ли Маннергейм наравне с Гитлером персональную ответственность за смерть сотен тысяч ленинградцев?

УДК 929(480) Маннергейм
ББК 63.3(4Фин)-8 Маннергейм

ISBN 978-5-9955-0940-0

© Клингге А., 2017
© ООО «Яуза-пресс», 2017
© ООО «Издательство «Якорь», 2017

К ЧИТАТЕЛЮ

Табличка для русского генерала

16 июня 2016 года в Санкт-Петербурге появилась еще одна мемориальная доска. В отличие от множества своих малоизвестных «родственников», счет которым в Северной столице России идет на сотни, если не тысячи, она с самого начала привлекла внимание общественности. Все дело в том, кому она была посвящена. На мемориальной доске, установленной на доме 22 по Захарьевской улице, значилось имя маршала Карла Густава Эмиля Маннергейма, которого заслуженно считают одним из отцов-основателей современной Финляндии.

Правда, в данном случае он был поименован на русский манер — Густавом Карловичем, да и о Финляндии не было, как ни странно, ни единого слова. Текст на табличке лаконичен: «Генерал-лейтенант русской армии Густав Карлович Маннергейм, служил с 1887 по 1918 г.». Да на знамени за возвышенным челом маршала (простите, генерал-лейтенанта русской армии) угадывается надпись «С нами Бог».

Открытие предполагалось торжественное, с военным оркестром. Интернет-издание «Фонтанка»

передает диалог, состоявшийся между музыкантами военного оркестра: *«В мучительном ожидании дирижер поправлял трубача: «Грязные перчатки — это криминал!» — «Вот криминал», — отвечал музыкант, указывая на доску той самой перчаткой. (...) Перед началом церемонии несколько его сокурсников сняли с формы нашивки с фамилиями». «Стыдно» — именно таким словом, не сговариваясь, комментировали событие офицеры, служащие в Военном инженерно-техническом институте (именно ему принадлежит дом 22 по Захарьевской улице).*

Более высокопоставленные особы сомнениями не мучились. Торжественно открывать мемориальную доску приехал не кто-нибудь, а министр культуры России Владимир Мединский в компании главы Администрации Президента Сергея Иванова. Однако присутствие столь значимых фигур не смутило противников мероприятия, которые явились на Захарьевскую в весьма внушительном количестве и кричали: «Позор!» Мединский попытался дать им отповедь, сославшись на товарища Сталина: «Памятная доска Маннергейму — это попытка преодолеть произошедший после Октябрьской революции трагический раскол в обществе. А тем вот, кто сейчас там кричит, я хочу сказать: не надо быть святее папы римского и не надо стараться быть бóльшим патриотом и коммунистом, чем Иосиф Виссарионович Сталин, который лично защитил Маннергейма, обеспечил его избрание и сохранение за ним поста президента Финляндии и умел к поверженному, но достойному противнику относиться с уважением».

Было бы любопытно послушать версию господина Мединского по поводу того, как именно товарищ Сталин обеспечил избрание Маннергейма президентом 4 августа 1944 года, когда на советско-финском фронте вовсю продолжались бои. Возможно, после «Мифов о России» министр культуры готовится написать для наших северных соседей «Мифы о Финляндии». В любом случае его слова не слишком убедили собравшихся. По крайней мере, уже 19 июня первые лучи утреннего солнца озарили доску, залитую неизвестными красной краской. Видимо, это должно было символизировать пролитую маршалом кровь наших соотечественников. Доску завесили, но через некоторое время отчистили и открыли снова. Протестующие не сдались и снова покрасили Маннергейма. В конечном счете оборону возле доски заняли сотрудники частного охранного предприятия.

А дальше начался фарс. Появилось обращение в прокуратуру с просьбой проверить законность установки доски. Городские власти предпочли занять странную позицию, заявив, что официально с ними ничего не согласовывали, и открестившись от доски. Их можно понять: с одной стороны, не хотелось ссориться с Мединским, с другой — с горожанами. В последних числах августа появилась, наконец, информация о том, что с формальной точки зрения доска была установлена незаконно и поэтому будет снята до 8 сентября.

Однако листья на деревьях желтели и опадали, а финский маршал продолжал смотреть в про-

странство с дома на Захарьевской улице. Тогда его противники пошли на крайние меры.

Сначала доску облили каким-то едким составом, судя по всему, кислотой, поскольку внешний вид бравого офицера оказался основательно попорчен. Потом в голове маршала появились два отверстия, напоминающих пулевые ранения (каким инструментом их сделали, достоверно выяснить не удалось). Наконец, среди бела дня доску попытались разбить молотком, приставив к ней стремянку. В итоге поздно вечером 13 октября Маннергейм вынужден был отступить, потерпев поражение — как и много лет назад, в сорок четвертом. Доску тихо демонтировали. При этой акции не присутствовали ни Мединский, ни Иванов, и военный оркестр не играл торжественные марши.

Противники памятника смогли, наконец, вздохнуть спокойно. Но надолго ли? Ведь идея увековечить память Маннергейма появилась не вчера. В советское время фигуру маршала рисовали исключительно черной краской, и нет ничего удивительного в том, что после 1991 года маятник качнулся в обратную сторону. Появились многочисленные поклонники Маннергейма, начавшие лепить из него едва ли не святого. С 2003 года в гостинице «Маршал» на Шпалерной улице работает небольшой музей, посвященный этому весьма спорному деятелю, там же стоит его бронзовый бюст. Но это были цветочки: в конце концов, на частной территории владелец вправе ставить памятник кому угодно — хоть Маннергейму, хоть

Свердлову или Володарскому. Более серьезный характер носила инициатива писателя Даниила Гранина, который проникся к маршалу теплыми чувствами и всерьез считает его спасителем ленинградцев. В 2009 году он предложил открыть мемориальную доску Маннергейму. Однако у городских властей хватило ума не подхватывать инициативу, особенно в ситуации, когда многие блокадники еще живы и имеют несколько иное мнение относительно деятельности финского маршала в годы Великой Отечественной войны. Впрочем, как я уже сказал, городские власти и сейчас стараются дистанцироваться от происходящего, отказываясь комментировать события вокруг доски. «А мы что? А мы ничего».

Первая серьезная попытка установить мемориальную доску была предпринята по инициативе господина Мединского в июне 2015 года. Операция, имевшая своей целью украсить (или обезобразить, тут уж кому как нравится) Маннергеймом один из домов на Галерной улице, готовилась по всем правилам военного искусства: в обстановке строжайшей секретности. Город должен был проснуться и узнать, что действие уже свершилось. Но, как это часто бывает в России, механизм дал сбой, о планируемом мероприятии узнали, и поднявшийся шум заставил министра культуры отменить операцию. Он отступил, но, как видим, не сдался.

Не очень сведущий в истории читатель вправе задаться вопросом: а из-за чего весь сыр-бор? Кто вообще все эти люди и почему они спорят до хри-

поты про какого-то Маннер... как его там? Этой книгой я хочу попытаться ответить на подобные вопросы. Я не стремлюсь написать биографию Маннергейма. Моя цель проще и сложнее одновременно: понять, заслуживает ли финский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант русской армии мемориальной доски, велики ли заслуги Маннергейма перед нашей страной, можно ли считать его патриотом России, действительно ли советское руководство признало его заслуги, на что любит ссылаться господин Мединский. И самое главное — какую роль сыграл финский военачальник в трагических событиях Великой Отечественной войны, и в особенности блокады Ленинграда.

Для этого нам надо будет ответить, в свою очередь, на ряд простых и одновременно сложных вопросов. Начнем по порядку.

ГЛАВА 1

Слуга царю, отец солдатам?

Сторонники Маннергейма (и посвященной ему мемориальной доски) упирают на то, что он в течение нескольких десятилетий честно служил царю-батюшке и Отечеству. «Его армейский путь был ровен и честен, — писал (уже после снятия доски) Мединский в «Российской газете». — Отличный кавалерист, требовательный командир. Добровольцем отправился на войну с Японией. В ходе Мукденского сражения сам повел драгун в бешеную атаку на японцев (под ним убили лошадь), чем, как писали в рапорте, спас от гибели 3-ю пехотную дивизию. Был произведен в полковники. Стал разведчиком. С отрядом китайских разбойников хунхузов совершил рейд по Монголии. А потом была удивительная экспедиция под грифом «Секретно» — от Ташкента до Пекина. 3000 км верхом по Азии и Китаю под чужим именем. Рисовал карты, встречался с далай-ламой, сделал 1300 фото, описывал стратегически важные районы и гарнизоны, составлял план захвата двух северных китайских провинций в случае войны. Потом Первая мировая. Фронт. Отличился в Галицийской битве. Участвовал в прорыве, получив-

шем имя его друга Брусилова. Помимо Георгиевского креста награжден за храбрость Георгиевским оружием. Кстати, царскими орденами гордился более всего, носил их на парадном мундире до конца жизни».

Забегая вперед, скажу: сам по себе факт честной и верной службы сомнений не вызывает. Однако вместе с Маннергеймом в русской армии служили тысячи офицеров, и далеко не каждому из них открывают мемориальную доску. Сделал ли будущий президент независимой Финляндии нечто такое, что выделяло бы его среди всех сослуживцев, высоко поднимало над самыми выдающимися из них? Или он был вполне типичным офицером царской России?

Карл Густав Эмиль Маннергейм родился в 1867 году в семейном имении неподалеку от Або (Турку) на территории Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи на правах широкой автономии. Его род принадлежал к местной элите. Когда-то Маннергеймы были шведскими дворянами, но после русско-шведской войны 1808—1809 годов, по итогам которой Финляндия и вошла в состав Российской империи, стали подданными Романовых. Они достаточно быстро смирились с этим фактом и стали сотрудничать с новой властью, что вызывало временами жесткую критику у других представителей местной аристократии. Как и сами Маннергеймы, аристократия эта была сплошь шведская — мнения простых финнов, естественно, никто в те времена не спрашивал.

Семью, в которой появился на свет будущий фельдмаршал, трудно было назвать крепкой и счастливой. Его отец, барон Карл Роберт Маннергейм, был вольнодумцем и любителем красивой жизни. На Хелене фон Юлин, дочери крупного магната, он женился не по любви, а в поисках крупного приданого. Хелена была богатой невестой, и Карлу Роберту пришлось приложить немало усилий, чтобы пустить по ветру ее состояние. Однако он блестяще справился с этой задачей и в 1880 году бросил семью, уехав в Париж с влюбленной в него придворной дамой. Его сыну Густаву было в тот момент 13 лет. Удивительно, но большого зла на отца он не держал и впоследствии установил с ним весьма дружеские отношения.

Дети в семье Маннергеймов воспитывались в спартанской обстановке. На этом особенно настаивала Хелена, которая была сторонницей так называемых «английских методов», призванных закалить душу и тело подрастающего поколения. Густаву такая жизнь была не по нраву, поэтому и к матери он относился без особой нежности. Он бунтовал против строгих порядков и демонстрировал свой скверный характер. В лицее в Гельсингфорсе (так на шведский манер называлась нынешняя финская столица) он также показал себя не с лучшей стороны, постоянно нарушая дисциплину и устраивая драки. Однажды Густав был на год исключен из лицея за то, что бил камнями оконные стекла. В учебе он также не проявлял особого рвения.

Сломленная предательством мужа и навалившимися материальными проблемами, Хеле-

на скончалась в январе 1881 года. Опекун над ее детьми взяли на себя родственники — фон Юлины. Будущая карьера Густава к тому моменту уже смутно вырисовывалась: планировалось, что он пойдет по армейской стезе. Это, по большому счету, было стандартным решением для небогатых, но родовитых представителей российской элиты. Чтобы подготовиться к поступлению в кадетский корпус Фредриксгамна (Хамины), он должен был проучиться год в реальной школе. Ввиду указанных выше особенностей характера вместо одного года получилось два, и только в 1882 году юный Маннергейм стал кадетом. Вообще говоря, в кадеты зачислялись 12-летние мальчики, но правил без исключений не бывает (особенно для отпрысков аристократических семейств), и 15-летний Густав занял причитавшееся ему место за партой.

Обучение должно было продлиться семь лет. «Должно было» — поскольку довольно скоро Густав решил перебраться в столицу. Он полагал, что выпускнику Фредриксгамна сделать блестящую карьеру будет достаточно сложно и надо попытаться пробиться в элитный Пажеский корпус в Санкт-Петербурге. В этом его горячо поддерживали родственники по отцу, фон Шанцы, пустившие в ход свои связи в имперской столице. Родственники по матери, фон Юлины, были в ужасе, подсчитывая, во что обойдется жизнь молодого гвардейского офицера. Кроме того, они не слишком-то верили в способности молодого Маннергейма. И для этого у них имелись все основания.

За годы учебы в кадетском корпусе Густав не отметился ничем, кроме постоянных нарушений дисциплины. Он нередко коротал время в карцере, а высылаемые ему родней деньги легко и быстро проматывал. Впрочем, когда перед Маннергеймом замаячила реальная перспектива поступить в Пажежский корпус, он взялся за учебу и стал одним из первых по успеваемости. Это свидетельствует о наличии у него определенных способностей, которыми, однако, он в большинстве случаев предпочитал не блистать. Несмотря на приложенные усилия, отличной отметки по поведению Густав так и не получил, а это было непременным условием перевода в Петербург. Следующей серьезной помехой стал возраст — для поступления в Пажежский корпус элементарно прошли все мыслимые сроки. В итоге дорога в имперскую столицу закрылась, а весной 1886 года Густав был исключен и из Фредриксгамна за самоволку.

Встал вопрос о том, что делать дальше. Родственники дружно пытались устроить судьбу почти 20-летнего балбеса, предлагая ему наперебой различные варианты. Сам Густав толком не знал, чего он хочет. Попытался поступить в русский лицей в Гельсингфорсе (Хельсинки), но, как пишет его биограф Вейо Мери, «ему не удалось связаться с человеком, который мог бы устроить дело». Затем дядя Юнно фон Юлин почти сумел пристроить его в военно-морское училище, но полученный табель с оценками из кадетского корпуса поставил крест на этом проекте. В отчаянии дядя советовал Густаву стать инженером.